

Ши Сюй никак не ожидала от Шэнь Тяньцин подобных слов.

От того, как та её трепала, Ши Сюй испытывала полнейшее отчаяние. Поначалу, узнав, что её спонсор не любит физическую близость, она была даже рада — в конце концов, сама она давно уже лишилась мирских желаний.

Да и заводить телесную близость ей тоже не хотелось, пусть даже секс и любовь можно разделять.

Но было очевидно, что Шэнь Тяньцин ужасно любит создавать проблемы.

Настоящая заноза в заднице. В подобной обстановке она притворялась, будто без памяти влюблена в Ши Сюй, и если бы не её прекрасное лицо, Ши Сюй так и подмывало выругаться на эту фальшь.

Да кем ты себя возомнила!

Черт, почему моим спонсором оказалась именно она?

Я работаю системой столько лет и через своих подопечных уже столько раз испытала, каково это — быть пешкой в чужих руках. Я правда больше не хочу зависеть от других.

Горячее дыхание собеседницы обжигало ухо Ши Сюй, нарушая все мыслимые границы безопасности. Пряча руки под стол и сжимая край собственной одежды, Ши Сюй под взглядом Тань Тань изобразила на лице застенчивую улыбку.

А затем легонько, но отчетливо коснулась губами щеки Шэнь Тяньцин.

Шэнь Тяньцин, разумеется, тоже выглядела так, будто ей претит происходящее, однако на её лице читалось крайнее удовольствие — ни за что не догадаешься, что перед тобой человек, привыкший во всем полагаться лишь на свои руки.

Она даже с наипускливой досадой легонько щелкнула Ши Сюй по носу.

Ши Сюй про себя подумала: с меня сейчас мурашек наберется на добрых пару цзиней.

Тань Тань на противоположной стороне отвернулась, а сидевший рядом старший племянник Шэнь Тяньцин свистнул, но тут же получил пинок от родного отца и кубарем ввалился в диван.

Чэнь Гэни сама не понимала почему, но эта сфера казалась ей лишенной и капли нежности. Впрочем, учитывая, с какой готовностью Шэнь Тяньцин подыгрывала, всё это выглядело неожиданно. Мать в молодости сама была безумна в любви и ослеплена страстью, а со временем научилась всё рассчитывать, но в глубине души всё еще сохраняла способность чувствовать. Сейчас её глаза неожиданно наполнились слезами, и она захлопала в ладоши. Муж протянул ей салфетку. Она взяла её, вытирая слёзы и глядя на Шэнь Тяньцин: Тянь-Тянь, мама очень рада, что ты смогла сделать этот шаг.

Ши Сюй почувствовала, как пальцы Шэнь Тяньцин на её плече сжались намного крепче. К счастью, свитер сегодня был плотным, иначе её точно до боли в костях вжало бы в кресло.

Однако поведение матери Шэнь Тяньцин оказалось совершенно неожиданным для Ши Сюй. Судя по репортажам, она должна была выглядеть как блестящая, изысканная владелица

картинной галереи с огромным самомнением, но сегодня от неё во всём исходило амплуа любящей матери.

Это выглядело немного... жутковато.

Впрочем, остальные присутствующие, казалось, привыкли к подобному, хотя было заметно, что кое-кто с трудом сдерживает смех.

Ши Суй тоже нашла это забавным: возможно, перед ними разыгрывался настоящий спектакль двух актрис, соревнующихся в мастерстве, и, судя по всему, талант Шэнь Тяньцин достался ей по наследству от матери.

Сквозь зубы Шэнь Тяньцин процедила: Мама, води себя нормально.

Чэнь Гэни с равнодушным видом протянула короткое угу, а жемчужное ожерелье на её шее засияло ярким блеском. Сделав глоток красного вина, она тут же переключила своё беспокойство на личную жизнь другой дочери.

Тань Тань, раз уж ты развелась с Марком и вернулась на родину, ко второму выбору партнера нельзя подходить так легкомысленно.

У Тань Тань было две дочки, и старшая, Анлина, уже училась в средней школе. С золотистыми волосами и темными глазами, она была красивой девочкой от смешанного брака.

Шэнь Тяньцин отпустила Ши Суй, и та едва слышно вздохнула. Краем глаза Ши Суй заметила, как Шэнь Тяньцин подняла бокал на высокой ножке с молоком — на её лице так и было написано как же меня всё это задолбало.

Она решила, что её догадки верны: очевидно, даже лесбиянками не удастся избежать свиданий вслепую — это одновременно жалко и смешно.

Но с другой стороны, Ши Суй заметила, что чувствам Шэнь Тяньцин к ней, похоже, сочувствовала вся семья, из-за чего она даже бросила взгляд на сидевшую напротив Тань Тань. Тань Тань уложила волосы на затылке, закрепив их изящной заколкой с шелковыми цветами, поблескивающей мягким светом. По сравнению с тем, какой она была в свои чуть за двадцать, она немного округлилась, но от этого не стала выглядеть хуже. Вот только между бровей исчезла прежняя живость — казалось, ее прибило к земле нечто тяжелое, и ей трудно даже перевернуться.

Слова Чэнь Гэни заставили ее лишь покачать головой:

— Поговорим об этом позже.

Жизнь словно стерла все ее острые углы, превратив в плоский бумажный кружок — этакое иллюзорное подобие гармонии.

Стол был большим и изысканным: вокруг миниатюрного пейзажа в центре по воде кругами плыли тарелки с яствами. Это напоминало традиционные поэтические посиделки у извилистой воды и отлично гармонировало с китайским стилем всего приватного зала.

Ши Сюй подумала, что устраивать подобное в разгар зимы — излишняя морока. Не испытывая особого энтузиазма, она принялась разглядывать все это семейство.

В целом царила идиллия, что уже намного лучше, чем в обычных семьях.

Она бросила на Тань Тань пару взглядов лишь тогда, когда та стала предметом разговора Чэнь Гэни, и совсем не заметила, как сидевший рядом Шэнь Тяньцин неотрывно смотрит на нее.

Уходя, Ши Сюй получила красный конверт — его дал отец Шэнь Тяньцин. У дяди на висках уже серебрилась седина, но выглядел он добродушно и солидно. Конверт явно был сделан на заказ: тисненные золотом иероглифы гласили «Гармонии на сто лет», а судя по толщине, внутри скрывалось порядочное состояние.

Ши Сюй чувствовала, что деньги жгут руки. Четкое самосознание человека с амплуа содержанки вовсю кричало: разве она достойна принимать такое?

Однако Шэнь Тяньцин, исполнявшая роль надсмотрщика, стояла тут же и без лишних слов сунула красный конверт Ши Сюй за пазуху.

— Что ты ломаешься и мнешься, на кого это похоже.

Сама-то одета ультрамодно, но почему-то разговаривает так, будто от нее веет феодализмом. Ши Сюй криво усмехнулась, чувствуя, что эта вредная девчонка просто злоупотребляет старшинством.

Подумать только, какая она старшая — сама небось моложе меня на момент моей смерти.

Проворчав это про себя, на обратном пути она почти не разговаривала с Шэнь Тяньцин.

Шоу «Новый мир» должно было выйти в эфир на пятый день первого лунного месяца, но уже первого числа участникам предстояло прибыть на площадку, чтобы ознакомиться с регламентом и готовиться к съемкам, так что времени на отдых у Ши Сюй практически не оставалось.

Шэнь Тяньцин выступала в качестве специального гостя, а значит, ей полагалось появиться на площадке уже в первом эпизоде, как бы сильно она ни важничала.

Отношение Ши Сюй к Шэнь Тяньцин было весьма сложным. С одной стороны, сейчас она — Мэн Хэн, маленькая звездочка, которую содержит Шэнь Тяньцин, и она должна выказывать уважение своей покровительнице.

Но с другой стороны, она — та самая Ши Сюй, которая умерла двенадцать лет назад, бывшая девушка сестры Шэнь Тяньцин, а еще...

Ах, как же все надоело! Почему ей обязательно должна нравиться младшая сестра бывшей девушки?

Ши Сюй смотрела в окно на притихший из-за Праздника весны город А. Дорога была свободна, и они ехали без каких-либо пробок.

Шэнь Тяньцин листала ленту Вэйбо. Заметив пост Ши Сюй с горячим потхотом, она не стала ставить лайк, а вместо этого прокрутила экран вниз, вчитываясь в комментарии. Редко увидишь артиста, у которого под каждым постом красуется по пять-десять проклятий.

Хейтеры ухитрились дойти даже до стадии преданных фанатов.

Все дело в том, что официальный аккаунт шоу «Новый мир» только что опубликовал список участников нового сезона, а заодно и правила соревнований.

Эта версия немного отличалась от той, что ранее утекла в сеть. Если говорить о конкретных изменениях, то кое-кто из персонажей поменялся.

Из-за туманных намеков новостных пабликов уровень токсичной популярности Мэн Хэн взлетел еще выше. Впрочем, в шумный вечер накануне Нового года по лунному календарю из-за всеобщего ажиотажа вокруг новогоднего гала-концерта ее имя все же не попало в тренды.

Шэнь Тяньцин невзначай заглянула на страничку одного из пользователей — там изливали столько ярости, будто от этого можно ожидать воскрешения мертвецов. И откуда только столько ненависти?

В индустрии развлечений лет десять назад все было иначе. Тогдашняя Ши Сюй считалась мастером актерской игры без всяких официальных регалий и могла совершенно спокойно выйти на улицу за покупками. Сейчас же мерилom успеха стала не игра, а цифры и охваты.

Популярность Мэн Хэн была создана по воле Шэнь Тяньцин: она задала общие рамки, а дальше подчиненные уже дорабатывали детали сами. Не ожидал, что в самом конце вылезет этакая жеманная выскочка, пробивающаяся за счёт спонсоров.

Надо же, какой самородок.

Сейчас этот «самородок» смотрел в окно. Пролетающие мимо уличные фонари падали на лицо

девушки, и от этого даже пылинки словно обретали тепло, а одиночество пустых улиц окутывало её целиком. Часть суетливости Мэн Хэн рассеялась, и в ней промелькнуло что-то такое, о чём Шэнь Тяньцин думала дни и ночи напролёт...

Тот самый человек.

Она вспомнила взгляд Тань Тань за обеденным столом, то, как та изредка поднимала глаза, накладывая еду.

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как те отношения завершились, она думала, что всё уже поросло быльём, но никак не ожидала разглядеть на лице Тань Тань следы тоски.

Это был тот самый взгляд — когда Тань Тань тоже казалось, что кто-то похож.

— Что думаешь о моей старшей сестре? — неожиданно спросила Шэнь Тяньцин.

Машина шла ровно, и Шэнь Сюй от этого укачивало так, что она клевала носом. Вопрос застал её врасплох, она только удивлённо протянула:

— Чего?

— О моей третьей сестре, что думаешь?

Шэнь Сюй ответила:

— Да так, ничего особенного.

Шэнь Тяньцин смотрела на неё, на её закрытые глаза и тени от ресниц, которые едва уловимо метались при каждом взмахе под уличными огнями.

Словно бабочка, которая вот-вот вспорхнёт и улетит.

— Это как — ничего особенного? — снова переспросила Шэнь Тяньцин.

Шэнь Сюй подумала, что та стала ужасно занудной и растеряла даже малейшую долю прежней чуткости.

— Никак.

Раздражение проступило на её переносице, она нахмурилась. Половина её лица тонула в тени, заставив Шэнь Тяньцин, сидевшую в полумраке с другой стороны, поддаться какому-то странному порыву и протянуть руку.

Шэнь Сюй испуганно вздрогнула, вскинулась и перехватила руку Шэнь Тяньцин:

— Ты чего?

Если бы она послушно позволила себя потрогать, Шэнь Тяньцин, пожалуй, успокоилась бы, но теперь её руку перехватили, и всё выражало такое явное сопротивление, что Шэнь Тяньцин пришла в бешенство.

Это напомнило ей, что если бы Шэнь Сюй была жива, то, наверное, точно так же оттолкнула бы её.

Горькая правда заключалась в том, что даже будь Шэнь Сюй жива, её переполняющие чувства всё равно остались бы не востребованными, их бы сурово отвергли.

Шэнь Сюй была именно таким человеком — она всегда бескомпромиссно относилась к чувствам, в которые не верила.

— Я разрешала тебе разговаривать со мной в таком тоне?

Указательный палец Шэнь Тяньцин остался зажат в её ладони, и она просто подалась вперёд. Судя по отражению в зеркале заднего вида, казалось, будто она прижалась к Шэнь Сюй.

Или будто они парочка влюблённых.

Шэнь Сюй разжала пальцы:

— Прости, я со сна соображаю с трудом, можешь меня отругать.

Она зевнула, в уголках глаз от сонливости выступили слёзы, и в полумраке они казались застывшими капельками льда.

Шэнь Тяньцин снова протянула руку, но на этот раз Шэнь Сюй сопротивляться не стала, лишь всем телом выражала крайнее неудовольствие — будь у неё шерсть, она бы наверняка встала дыбом.

Шэнь Тяньцин же, напротив, вошла во вкус и прижалась к Шэнь Сюй всем телом, норовя уместиться на одном пассажирском сидении, хотя простора на заднем диване было предостаточно.

Шэнь Сюй:

— Режиссёр Шэнь, имейте совесть.

Шэнь Тяньцин:

— Ты — человек, которого я содержу, о какой совести речь?

Шэнь Сюй:

...

Ты чёрт побери не терпела близких контактов больше всех на свете?

Она посмотрела на Шэнь Тяньцин, и в её глазах читалось такое переполняющее раздражение, что Шэнь Тяньцин даже подумала: после падения голова Мэн Хэн стала совсем отчаянной.

Но от этого её хотелось примерять на ту самую роль ещё сильнее.

Именно так: злиться на неё и отвергать — вот это и была настоящая Шэнь Сюй.

— Ну тогда делай что хочешь.

Шэнь Сюй махнула рукой на всё — ей казалось, что стоило ей заикнуться о совести, как глаза Шэнь Тяньцин начинали сиять.

Что вообще не так с этой женщиной?

Шэнь Тяньцин подхватила её руку и принялась вертеть её пальцы, а Шэнь Сюй спросила:

— Разве вы не терпеть не можете прикасаться к людям? Раньше вы были не такой.

Шэнь Тяньцин:

— Что хочу, то и делаю, тебе какое дело?

Шэнь Сюй:

— Никакого.

Шэнь Тяньцин:

— Мы что, снова едем туда же?

Шэнь Сюй:

Мысленно покрутила пальцем у виска. Стоило столько проехать в машине, чтобы наконец сообразить спросить, куда мы направляемся. Ну ты и даёшь.

Мысленно чертыхаясь, на словах она осталась вежливой:

— Возвращаюсь в квартиру, все в студии уже отдыхают.

Шэнь Тяньцин:

— Тогда я поеду к тебе.

Шэнь Сюй:

— Чего?

Шэнь Тяньцин подняла глаза:

— Смеешь мне отказывать?

Шэнь Сюй:

— У меня дома всего одна кровать.

Шэнь Тяньцин не испытывала особой тяги крутить чужие пальцы и теперь принялась вертеть собственное кольцо:

— Я знаю, это моя квартира.

Шэнь Сюй словно пырнули ножом, и её статус обрёл кристальную ясность —

всего лишь содержанка без гроша в кармане, пташка, которая лишь притворялась золотой, а на деле оказалась проволочной.

Шэнь Сюй сквозь зубы выдавила:

— Хорошо, режиссёр Шэнь.

Шэнь Тяньцин промычала:

— Вернёмся — не ложись сразу спать, я проверю твои успехи. Преподаватель речитатива сказала, что твои интонации стали лучше прежнего, спой мне отрывок из Пагоды Лэйфэн.

Шэнь Сюй:

— Я могу исполнить вам его прямо в машине, а вы поезжайте домой. Канун Нового года всё-таки, ночевать у меня — это как-то нехорошо.

Она уговаривала её со всей душой, но виновница торжества от этого, казалось, только обрадовалась:

— Ночевать у тебя и правда нехорошо, ведь это я делаю тебе одолжение, так что прояви ко мне должное уважение.

Шэнь Сюй:

Психичка чокнутая, она что, от молока захмелела?

Она чувствовала себя евнухом при императоре, чья единственная участь — безропотно отзываться на всё подряд.

Шэнь Тяньцин поехала вместе с Шэнь Сюй в её квартиру. Эту недвижимость она приобрела много лет назад, и по сей день комплекс оставался одним из самых элитных в городе С.

Она помнила, что заглядывала сюда всего один раз, когда принимала ключи, и с тех пор больше ни разу не появлялась.

В поднимающемся лифте, в замкнутом пространстве, Шэнь Сюй только и слышала, как тренькает телефон Шэнь Тяньцин.

Выйдя из лифта, она была готова сама поскорее шмыгнуть внутрь и захлопнуть дверь перед носом гости.

Но здравый смысл подсказывал, что так нельзя. С напускной почтительностью она зазвала гостью в дом — хорошо ещё, что их связь не носила интимного характера, иначе пришлось бы сначала уточнить, собирается ли та сначала переспать с ней, а уже потом ложиться спать.

Это было бы слишком нелепо.

Шэнь Тяньцин уже много лет нормально не спала: максимум пять часов в сутки, а нормой были и все четыре. Время для неё тянулось невыносимо долго.

Когда она работала, её энергии порой пугала всю команду.

Даже когда Чэнь Гэни специально нанимала людей, чтобы те помогли Шэнь Тяньцин восстановить сон во время её пребывания дома, это не давало никаких результатов. Старая мудрость о том, что сердечную болезнь нужно лечить от сердца, находила в Шэнь Тяньцин самое яркое подтверждение.

Просто она сама не могла выбраться из этого состояния. Поскольку в её снах Шэнь Сюй не

появлялась, она считала, что ей и спать-то особо не нужно, лишь бы не тратить впустую часы бодрствования на мысли о ней.

Войдя в квартиру, она не проявила никакого интереса к обстановке, уселась на диван, и стоило Шэнь Сюй подать ей стакан горячей воды, как та потребовала отчёта о проделанной работе.

— Начинай.

Шэнь Сюй валилась с ног от усталости, ей казалось, что глаза приходится держать открытыми буквально силой.

Граммфон ей подарила сама Шэнь Тяньцин, и сейчас на нём крутилась пластинка Пагода Лэйфэн: Сманенный мост — Шэнь Сюй как раз освежала этот отрывок в памяти на днях.

Мэн Хэн всё же не занималась вокалом с детства, так что в её голосе неизменно проскальзывали шероховатости: сначала исполнение шло со скрипом, но стоило войти в образ, как пение полилось на редкость гладко.

Шэнь Тяньцин прислонилась к спинке дивана: поначалу она слушала внимательно, но в конце концов незаметно задремала.

Шэнь Сюй безмолвно посмотрела на раскинувшуюся на диване властную, глуповатую, заигравшуюся в содержанку малолетнюю богатею.

Поразмыслив так и эдак, она всё же поволокла её в спальню.

Шэнь Тяньцин полуспала-полубодрилась. Даже когда ей смывали макияж, она продолжала бормотать что-то о Шэнь Сюй.

Прерывисто выговаривая, она требовала: ударь меня.

Шэнь Сюй раздражённо швырнула ватный диск и пробормотала себе под нос:

— Когда это я тебя била? Чего ты себе напридумывала?

<http://bllate.org/book/21030/2138503>